

ИСТОРИЯ КАК ЗЕРКАЛО ИДЕНТИЧНОСТИ HISTORY AS A MIRROR OF IDENTITY

Аннотация: Историческое знание (как результат исторического познания) является источником самопонимания, самооценки и самоуважения, поскольку является опорой для самоидентификации социальной группы и входящего в нее индивида. Аналогичную роль играет искусство, хотя использует при этом другие методы и средства. Целью статьи является сравнение этих «зеркал», выявление их особенностей и эффективности.

Ключевые слова: история, зеркало, идентичность, искусство, достоверность, правда, истина, патриотизм, духовность.

Abstract: Historical knowledge (as a result of historical cognition) is a source of self-understanding, self-appraisal and self-esteem, since it is support for self-identification of a social group and an individual in it. Skill plays analogous role, although other methods and means are employed in this case. The purpose of article are the comparison of these “mirrors”, the development of their special features and effectiveness.

Keywords: history, mirror, identity, art, credibility, truth, verity, patriotism, spirituality.

Название нашей статьи состоит из трех терминов, которые необходимо уточнить.

Термин «история» используется в нескольких смыслах: 1) событие прошлого, о котором рассказывает свидетель-очевидец (устно или в письменном тексте); 2) наука, изучающая тексты (устные и письменные), рассказывающие об этом событии с целью установления степени достоверности; 3) учебная дисциплина, рассказывающая о событии прошлого с целями образовательно-воспитательными. Наша точка зрения заключается в том, что историческое знание (как результат исторического познания) является источником самопонимания, самооценки и самоуважения, поскольку является опорой для самоидентификации социальной группы и входящего в нее индивида.

Специфическим объектом истории является прошлое. Но действительно ли прошлое целиком входит в сферу интересов исторической науки? На самом деле естественные науки также изучают прошлое, потому что изучать настоящее

трудно, гораздо легче исследовать то, что уже произошло. Настоящее текуче, преходяще, поэтому, как и естествознание, так и история опасаются изучать его. Ученому приходится, во-первых, расчленять события на дискретные элементы, останавливать процесс (как это проделывал Зенон Элейский, отождествивший движение и покой), при этом настоящее превращается в прошлое. Во-вторых, настоящее можно только наблюдать, но как заметил М. Мамардашвили, наблюдатель искажает наблюдаемое, привнося субъективность в осмысление и интерпретацию того, что он наблюдает. Но то же присуще историческому исследованию. Точка зрения историка обусловлена потребностями и интересами, той системой ценностей, которая неосознанно им используется для выбора объекта наблюдения и угла зрения на него. По словам А. Я. Гуревича, «...каков бы ни был специальный предмет изысканий историка — экономика, политический строй, социальные отношения, духовная жизнь, — путь у их познанию лежит через анализ памятников, текстов, созданных людьми. Первое, с чем историк встречается в своих источниках, — это запечатленное в них историческое сознание. Поэтому историк неизбежно должен быть историком культуры» [3, 8].

Когда ученый рассматривает интересующую его проблему с избранной точки зрения, то он с неизбежностью представляет в результате своей исследовательской деятельности одностороннюю, одномерную истину. Обычно ученый оправдывается тем, что он избрал главный подход, раскрывающий сущность объекта, который для него исчерпывает проблему (по крайней мере, на данном этапе исследования, если планируются последующие этапы). Но односторонний подход, каким бы важным он ни был (отвлекаясь от обсуждения понятия «сущность»), никогда не исчерпывает характеристик предмета, особенно таких сложных, как живые организмы или духовные явления. Сопоставление одной точки зрения с другой в диалоге дает двухмерную истину. Чем больше точек зрения на проблему учтено, тем многограннее истина как знание о предмете. Мы получим многомерную, но отнюдь не абсолютную истину. На этой почве возникают сомнения в праве истории называться наукой. Как писал Л. П. Карсавин, «...ссылки вроде: “наука доказала”, “наукой установлено” — ссылки невежд и собственно говоря не что иное как деликатное выражение мыслей: “я верю, что наука доказала”, “я верю, что наукой установлено”. В обычном словоупотреблении “научный” значит “принимаемый на веру”» [6, 13].

Для французского писателя Гюисманса история — «наиболее помпезная из всех выдумок и наиболее ребяческая из всех неправд». «Для талантливого человека, — говорит он, — события лишь дают толчок для мысли и стиля, потому что все они представляются либо в более выгодном, либо в более мрачном свете в зависимости от надобности или от склада ума обращающегося к ним писателя. С документами и того хуже, нет среди них ни одного неопровержимого, все они допускают различные толкования. Даже если они не подделка, позднее обнаруживаются другие столь же достоверные, которые их опровергают, а по-

том и эти последние лишаются доверия, когда вводятся в оборот новые столь же надежные архивы» [Цит по кн.: 15, 33]. Кроме того, еще Ф. Бэкон обнаружил, что достоверному познанию вещей мешают четыре фактора: «идолы» (или «призраки») «рода» (субъективная предрасположенность), «пещеры» (субъективная привычка игнорировать контекст, а рассматривать только частный случай), площади (общепринятые мнения, выраженные в языке), театра (мнение чужого авторитета). Из этого вытекает мнение, что понятие «истина» в социальном знании лучше не употреблять.

Второй термин в названии статьи — «зеркало». Зеркало является предметом быта и используется как инструмент для оценки внешнего вида и установления — в какой мере он соответствует нормам приличия во внешности, принятым в данном обществе (одежда, прическа, макияж и т. п.). Но в переносном смысле «зеркало» используется как метафора средства установления культурной самоидентичности, соответствия социально-духовным нормам, требованиям морали и права.

В философии марксизма была разработана концепция «отражения» на основе идеи Ф. Энгельса, осмысленной В. И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм». «Ленинская теория отражения» догматически истолковывалась Т. Павловым как единственное основание для теории реализма в познавательном процессе, то есть сознание адекватно отражает мир, в результате чего субъект получает истинное знание. На самом деле сознание не только отражает внешний мир, но и преобразует его в зависимости от потребностей и ценностных установок, что нами обозначено термином *аксиологика*.

В зеркале реальном мы видим свое тело, которое, нравится оно или не нравится, является феноменальной основой идентичности. Понятно, что тело обеспечивает существование души и духа энергией, но не все так просто. Его (тела) предназначение для нас является в некоторой степени загадкой. «Наше тело есть вещь среди вещей. Оно может сталкиваться с ними, падать, иметь тяжесть, вес. Оно движется с места на место. Оно может быть *ближе* и *дальше*, высоко и низко, занимать много пространства и мало пространства. Тело есть вещь среди вещей. Но эта вещь есть преимущественно перед всеми другими вещами — *моя* вещь. Это как бы *центральная* вещь для каждого из нас. Это *особенно* наша вещь. Наше вещественное орудие. Все вещи уходят и приходят. Тело всегда при мне. Я могу его не чувствовать, забыть о нем. *Моя мечта* освобождает меня от него вовсе. Но *реально* тело есть неизменный *modus vivendi* *меня* как обращенного к другим вещам. Тело настолько тесно *мое*, что многие считают его *частью* себя. У многих оно, может быть, есть даже *лучшая* часть. Во всяком случае, через тело я подвержен судьбе вещей. Гибель этой вещи, ее дезорганизация и распадение, заставляет “*меня*” не проявляться или проявляться *не так*. Это называется смертью и болезнью» [4, 40]. Поэт О. Э. Мандельштам об этом выразился так:

Дано мне тело, что мне делать с ним
Таким единым и таким моим?
За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?...

Когда человек смотрит на себя в зеркало, он не вполне верно видит себя, поскольку, подходя к нему, он невольно надевает на свое лицо маску умного, красивого, обаятельного. Но когда он отходит от зеркала, то маска с лица спадает, и какое лицо и выражение на нем в действительности, человек не контролирует. Но и зеркало может быть прямым и кривым, выпуклым и вогнутым, целым и расколотым. Поэтому и отражение будет иметь неадекватную структуру. А когда мы высказываем вслух какую-либо мысль, нам она становится более понятной и ясной, но так ли понятна она другим людям?

Третий термин — «идентичность». Идентификацией называют процесс сравнения и установления тождества, соответствия изучаемого объекта какому-либо образцу, а самоидентификация — определение субъектом своего соответствия объекту подражания, идеалу. Результатом идентификации является идентичность (или идентитет).

В прологе к роману Томаса Манна «Иосиф и его братья» содержится замечательный и емкий образ (как метафора исторического исследования): мальчик в сумерках сидит на краю колодца, смотрит вниз и видит отражающиеся в воде звезды. Смотрит вниз, а видит то, что вверху — себя и то, что позади себя, на небе. Точно так же историк вглядывается в прошлое, чтобы увидеть будущее. Можно ли увидеть в прошлом будущее? Конечно, совершенно точно (однозначно) увидеть будущее нельзя. О невозможности такого видения будущего на основе прошлого писал К. Поппер в работе «Нищета историцизма». Но дело еще в том, что вглядываясь в прошлое, человек хочет узреть себя. Ибо культура, сформировавшаяся в прошлом, есть такое зеркало, в котором мы можем «увидеть» себя, свои проблемы и пути их решения. Воспользуемся ли мы этим опытом ушедших эпох и народов или нет — это дело второе, в любом случае, он будет полезен, он обогатит наш культурный багаж. А это такой груз, который, как говорится, «карман не тянет». Но история культуры — это такое мифологическое зеркало, в котором мы пытаемся увидеть себя не такими, как есть, а какими мы должны или хотим стать. Ценности культуры важны не сами по себе, нам интересен «другой» мир, выраженный в культуре постольку, поскольку он позволяет обнаруживать новые надежды на удовлетворение наших потребностей, на самоутверждение и самореализацию нашего мира.

Говоря иначе, задача историка — помочь человечеству в самоидентификации. Он (историк) дает человеку «зеркало», глядя в которое, человек пытается разглядеть себя и понять, на кого же он похож, что собой представляет и что может. Благодаря истории мы из «Иванов-не помнящих родства» превращаемся в культурный народ, глубина памяти и ценностный опыт человечества есть

фактор, направляющий нашу дальнейшую жизнь. Здесь действуют одновременно два противоположных вектора: один дает большую степень свободы в историческом творчестве на основе прежнего опыта, а другой — ограничивает, притормаживает наши действия требованием благоразумия и осторожности опять же со ссылкой на негативный опыт предшественников.

Не случайно материал истории является объектом интенсивных споров, противоречивых интерпретаций с позиций разных идеологических платформ, чтобы управлять сознанием людей, формируя иное представление о себе на основании нового прочтения исторических событий.

Самоидентификацией называется процесс выявления собственной идентичности в ответ на вопрос «кто я такой (такая)?», соответствия какому-то идеальному образцу или архетипу. Самоидентификация многомерна, однако во всех случаях для нее необходимо наличие какой-либо опредмеченности своей самости (термин А. Ф. Лосева) во внешнем феноменальном образе. Такими могут быть, например, отражение в зеркале, какие-либо продукты творческого самовыражения, феномены художественной реальности, диалог с Другими людьми или с самим собой. По справедливому заключению М. М. Бахтина, «чужое сознание» также выступает в роли зеркала, в котором отражается сознание участника диалога.

Ребенок в первые годы жизни выбирает в качестве объекта самоидентификации и подражания родителей, затем их место может занять любимый учитель в школе, киноактер или популярный певец. В социальной истории объектом самоидентификации в древнем обществе становится дух-тотем, эпический герой, Бог. Материал для самоосмысления предоставляют история и искусство.

Как полагал Б. Ф. Поршнев, начало социальной самоидентификации связывается с первым столкновением с «чужими», которые проявляют враждебность, в результате формируется оппозиция «свои» — «чужие» [9]. На этой основе складывается мифологическое сознание, система жизнеутверждающих ценностей с центром максимальной защищенности и блага и концентрически организованным, нисходящим по ценности пространством, вплоть до границы, за которой располагается аналогичный «чужой» мир, отождествляемый с миром враждебности, опасности и смерти.

Основные измерения идентичности: возраст, гендер, этнос, нация, гражданство, профессия, культура, дух эпохи. В этих параметрах происходит формирование образа «своих» и «чужих»:

- история своей семьи и рода (в некоторых странах Азии уважения заслуживает человек, который помнит семь колен своих предков; в Китае глубина памяти о предках может достигать полутора тысячелетия; в Исландии документально зафиксирована жизнь всех живших в стране людей);
- история малой родины (деревни, города);
- история большой Родины (страны, нации);
- история человечества.

Многомерность идентичности проявляется и в том, что человек с годами меняется в соответствии с накоплением социально-культурного опыта, оставаясь в некоторых смыслах неизменным самим собой.

Стержень идентичности закладывает в семье. Не случайно большевики, придя к власти, попытались разрушить традиционную семью, разорвать культурные традиции и связи с прошлым, подрезать корни патриотизма, стремясь сформировать космополита-интернационалиста. И это им в немалой степени удалось.

Историческое знание — не прямое и пассивное зеркало, оно активно влияет на формирование идентичности, поэтому нередко выступает как инструмент политики. Прошлое не является обычным зеркалом, не все просто. Размышляя об отношениях России и Запада, немецкий философ В. Шубарт писал об опасностях для России завышенных ожиданий, когда «настоящее санкционируется прошлым»: «Если какой-нибудь народ хочет познать себя, для этого он имеет разные возможности. Наиболее неподходящим я считаю самый распространенный метод — исторический. Народ не может познать себя, заглядывая в свою историю, поскольку он не будет выводить объяснение настоящего из прошлого, а наоборот: будет из близкой перспективы вглядываться вглубь с неосознанным желанием санкционировать прошлым настоящее. Тем самым и прошлое затемняется, и настоящее остается непонятым» [13, 32)].

«Зеркало» может быть кривым, вогнутым и выпуклым, искажающим то, что в нем отражается. Профессор Б. М. Галеев на выставке, посвященной Всесоюзному фестивалю «Свет и музыка» [7], представил оригинальный (хотя и не вполне серьезный) ряд произведений — «Портрет зрителя», «выполненный» от имени различных художников. В первой рамке было помещено обычное зеркало, подпись гласила «Портрет зрителя, выполненный художником-реалистом». Второй «Портрет зрителя, выполненный художником-кубистом» — в рамке были помещены осколки зеркала, в которых отражались отдельные части лица зрителя. В третьей рамке было помещено вертикально изогнутое зеркало, подпись «Портрет зрителя от Модильяни». В четвертой рамке зеркало было выпуклым, подпись: «Портрет зрителя работы К. С. Петрова-Водкина». В следующей рамке зеркальные осколки были очень мелкими — «Портрет зрителя работы художника Сера», и т. д.

Полезно сравнить историю в этом аспекте с искусством, которое также отражает жизненные события прошлого. Как и искусство, история исследует духовный и практический опыт, но если история, претендуя на научность, опирается на объективные факты и документальные основания, искусство вправе отходить от подобной объективности, может использовать вымышленные эпизоды и события, помогающие решению воспитательных задач. Сравним основные функции истории (как науки) и искусства (таблица 1).

Таблица 1

<i>Функции истории</i>	<i>Функции искусства</i>
Познавательная	Ценностная
Воспитательная	Воспитательная
Поучительная	Познавательная
Ценностная	Эстетическая
Этическая	Этическая
Идентификационная	Гедонистическая
Мировоззренческая	Компенсаторная
Коммуникативная	Коммуникативная
Прогностическая	Праксеологическая

Можно заметить, что некоторые функции совпадают, что показывает, что история и искусство нередко взаимодействуют в общественном сознании при решении общих задач духовного развития социума.

Искажение самооценки может быть сознательным или бессознательным и идти по двум направлениям: позитивном и негативном. Так фольклор любого народа предпочитает первое, приукрашивание прошлого с целью формирования позитивной идентичности, направленной на высшие ценности и достижения в будущем, достойные славного прошлого. Негативное представление нашего прошлого создают противники, чужеземцы. Так видели Россию приезжавшие к нам европейцы в XVII – XVIII веках. В XX веке А. И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» придумал, «высосал из пальца» необыкновенно завышенные цифры жертв сталинских репрессий с целью разрушения идентичности и создания негативного образа СССР, за что был «награжден» Нобелевской премией. Точно так же историки Украины и Польши (по поручению руководства своих стран) занимаются в последние годы фальсификацией истории с целью формирования у граждан своих стран искаженного представления о России и собственной истории.

В зеркале человек не хочет видеть свои недостатки. Это очень важно, потому что позитивная самооценка является источником уверенности в себе, оптимизма и решительности в достижении поставленных целей и решаемых задач. Для формирования самоидентичности важное значение имеет позитивная самооценка, на которую влияют, конечно, оценки других людей. Если же их недостаточно, человек стремится хвалить себя сам, хвастать, похваляться. В древнеславянской былине «Садко» новгородцы на пиру похвалялись кто «золотой казной», кто «красавицей-женой», а Садко, не имея ни того, ни другого, заявил, что может поймать рыбу с «золотыми перьями» [11, 271-272)].

Фильм А. А. Тарковского «Зеркало» представляет притчу о «блудном сыне», и в то же время — метафору осмысления прошлого, самоосмысления, стремления понять — почему так несправедлива эпоха к ее отдельным гражданам.

У Тарковского *зеркало* присутствует в разных смыслах. Так, в доме, где проживают герои фильма, на стене в гостиной висит несколько рамок, в которых обычно помещают фотографии близких, живых или умерших, как наглядные свидетельства, знаки памяти о них. В фильме у Тарковского вместо фотографий предков вставлены зеркала, около десятка фотографий разной формы, соответственно рамкам. В том случае, если это фотографии предков, то человек смотрит на них, а они (предки) смотрят на него, реализуется нематериальная, духовная связь поколений. Но если человек смотрит в зеркало, отражение смотрит на него, человек и отражение пытаются «понять» друг друга. Зеркало помогает самоосмыслению. У А. С. Пушкина есть замечательные строки:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как <пересохшая> пустыня,
И как алтарь без божества.

На них основано от века,
По воле Бога самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.

«Зеркало» — необыкновенный феномен в культуре, в литературе — это популярная метафора [12]. Истории зеркала посвящена содержательная книга французского историка С. Мельшиор-Бонне [8]. Особенно любопытны свойства вогнутых зеркал, которые отражают и концентрируют в фокусе энергию света, воздействуют на эпифиз («третий глаз»), активизируя необычные способности человека. На этом свойстве вслед за астрофизиком Н. А. Козыревым новосибирские ученые во главе с академиком В. П. Казначеевым предприняли исследования телепатических связей и передачи информации на большие расстояния. При этом обнаружили необычные свойства времени в приполярных широтах севернее 70 градуса, когда передача информации происходила с отставанием во времени, или даже с опережением информационного контакта.

Зеркало является средством самопознания и самооценки. Своеобразное «зеркало» представил в своем романе «Портрет Дориана Грея» Оскар Уайльд. Если в обычном зеркале герой видел себя прекрасного и нестареющего, то написанный с него в молодости портрет со временем преображался и наглядно показы-

вал всю порочность и бездуховность оригинала. Как и герой романа, обычный человек не хочет замечать в зеркале признаки старения и что-либо негативное на своем лице. Подходя к нему, он надевает маску обаятельного, оптимистичного человека, чтобы поддержать иллюзию и позитивное отношение к себе. Любить себя необходимо для оптимального самочувствия и психического здоровья. Главное — не перебарщивать в таком самолюбовании и не доходить до нарциссизма и эгоизма. «Самообман — это весьма сложный и совершенно своеобразный феномен: мы видим в нас самих что-то неприятное для нас, мы знаем о нас что-то неприятное и не хотим выдать нашу тайну даже самому себе, не хотим знать о ней. Мы как бы отводим глаза и делаем вид, что не видим. Но поскольку этим самым неприятным зрелищем являемся мы сами, то нам, конечно, не удастся полностью отвести глаза и совершенно не видеть. Мы как бы надеваем маску на собственное лицо, делаем выражение, прихорашиваемся перед самими собой. Но поскольку все это проделываем мы сами, то это не может остаться для нас вполне незамеченным... Мы знаем, что это маска, которая при малейшем неосторожном движении может сорваться с нашего лица» [5, 18-19].

Обычное зеркало помогает увидеть лишь внешность человека, другое дело, когда человеку хочется увидеть свое внутреннее, субъективное «я». Таким «зеркалом» является, как заметил М. М. Бахтин, «чужое» сознание. Лишь глядя в «зеркало» чужого сознания можно попытаться увидеть и понять себя, соотносительно «чужому» или другому. «Чужая культура, — по словам Бахтина, — только в глазах другой культуры раскрывает себя полней и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше). Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур» [1, 333]. Так, у Достоевского герои всматриваются в «зеркало» «чужих» сознаний, чтобы лучше понять себя, уяснить «свои» смыслы. Поэтому культура всегда есть «зеркало», глядя в которое мы пытаемся увидеть себя, понять себя и обогатить себя, кроме того, в этом «зеркале» можно попытаться увидеть «за спиной» свое будущее.

Идеалом историка является формула Отто Ранке — описать, «как это было на самом деле». Однако идеал этот трудно достижим в реальности. Как писал Н. А. Бердяев, «в глубочайшем смысле слова история есть творимый миф. Миф есть существеннейшее и реальнейшее содержание истории, некое ее первичное событие, ее перво-жизнь... Средневековая папская теократия. Возрождение, Реформация, Великая Французская революция — все эти яркие моменты исторического творчества имели в своей основе миф и в мифе этом черпали свою творческую энергию. И те, которые хотят окончательно прекратить процесс мифотворчества, хотят окончательно прекратить историческое творчество. Миф есть великая динамическая сила истории, он есть не "о чем-то" "что-то", не об истории, а сама история, ее внутренняя созидающая энергия. Нельзя было

бы сделать Великой Французской эволюции без мифа о свободе, равенстве и братстве, о правах человека и гражданина, о современном естественном состоянии. невозможно было бы Возрождение без гуманистического мифа. Пусть мифы эти разоблачены историей, пусть пафос их убит дальнейшим историческим процессом, — они творили историю, и без них история непонятна. В основе мифа лежит более глубокая реальность, чем в основе всех разоблачений историков — реальность творящего человеческого духа... Каждая эпоха нуждается в своих живых мифах, творящих историю, она не может жить старыми мифами. И наша эпоха нуждается в новых мифах. Творческий историзм предполагает обращение к динамическим силам истории, к живым энергиям, а не к авторитетным традициям; не к окостеневшим мифам обращен творческий историзм, а к тайне исторического творчества, к живому мифотворчеству истории» [2, 132].

Можно согласиться с В. Г. Федотовой, когда она пишет: «Правда, в отличие от истины, — категория мировоззренческая (и оценочная — В. П.). В русской философии она рассматривалась как понятие, основанное на вере, традиций, авторитете и чувстве. Кроме того, в русской философии выделяли правду-истину и правду-справедливость. Первая фиксирует истины обычной жизни и имеет те преимущества перед другими истинами, что говорит о самой жизни, а не о чем-то аналитически вычисленном. Правда-справедливость не довольствуется “объектным” отношением к миру, а дает ему оценку, оценивает меру его справедливости. Полагаем, что важно говорить также о правде-смысле, характеризующем единство знания и оценки с утверждением определенных ценностей. Т. е. это убеждения, освещенные нравственным светом, осознанием своего места в истории, эмоционально переживаемые» [12, 28].

Таким образом, *правда* — это истина, в которую мы верим, которая важна для нас, имеет большую нравственно-нормативную и, шире, духовную, ценность. Ф. М. Достоевский писал: «Правда выше Некрасова, выше Пушкина, выше народа, выше России, выше всего и оттого служить только правде, независимо от тех трудов, потерь и гонений даже, которые может испытывать художник». То же самое утверждал В. В. Розанов: «Правда выше солнца, выше неба, выше Бога: ибо если и Бог начинался бы *не с правды* — он не Бог, и небо — трясины, и солнце — медная посуда» [10, 61].

Рассказывая о прошлом, историк создает программные образцы для идентификационных процессов. Пользуясь его идеями, художники творят свои ярко и эмоционально выписанные идеалы, которые предлагают для подражания подрастающему поколению. Но самое главное в самоидентификации — познание и осмысление своей субъективности, своего духовного потенциала. На страже позитивной самооценки стоит совесть (голос Бога в душе), которая строго спрашивает, осуждает человека за малейшее отступление от морально-духовного идеала идентичности.

У многих людей в процессе самоидентификации возникает соблазн сравнить себя с другими. Такой путь не очень разумен, потому что сравнение себя с другими порождает или надменность, или зависть. Если человек, сравнивая себя с другим, полагает себя выше и лучшего другого, то занимает в своем поведении и отношении к нему позицию превосходства и надменности. Если же он ощущает и замечает в результате самооценки и сравнения, что он хуже и ниже другого, то возникает зависть и стремление разрушить его успех и превосходство [13, 124-125]. Для менталитета Востока важна установка на самодостаточность и самооценку без сравнения с другими, потому что каждый уникален и талантлив по-своему. Как часто нужно производить корректировку самоидентичности? Психологи рекомендуют делать это не реже, чем раз в семь лет.

Объективность времени определяется как скорость изменения. Время формируется энергией: чем больше энергии, тем быстрее скорость изменений, чем меньше энергии — тем медленнее происходят изменения, время замедляется. Смерть физического тела прекращает движение, энергия более не поддерживает изменения, они постепенно затухают в нем, тело теряет биологическую форму, разлагается. Но если душа и дух обладают опытом получения энергии иными путями без помощи тела, то способны сохранять свое бытие в мире ином.

Бергсон выделял две формы памяти: память-привычку и память-воспоминание. Первую Бергсон считает в немалой степени механическим воспроизведением, хотя и сознательным, а вторую — более творческим, позволяющим создавать разные варианты и комбинации. Память является важнейшей основой сознания, она дает материал для сознания, является субстанциальной опорой для связи прошлого и будущего. Без памяти невозможна идентичность человека. История как наука призвана играть роль памяти человечества, фундамента человеческой идентичности как духовного вида перед лицом Вечности, Космоса.

Сравнивая роль истории и искусства в формировании идентичности современного человека, мы видим и сходство и различия (таблица 2).

Таблица 2

<i>История как зеркало</i>	<i>Искусство как зеркало</i>
Объективность как идеал, претензия на истинность и беспристрастность	Сплав объективности и субъективности, опора на правду и справедливость
Опирается на реальные факты	Опирается на реальные и вымышленные, правдоподобные факты
Отражает реальные события, в т. ч. случайные и причинно обусловленные	Описывает типичные события, в т. ч. вымышленные и преувеличенные
Рациональность, логика	Иррациональность, эмоциональность
Выражает интересы государства и общества, пропущенные бессозна-	Выражает интересы общества и государства, пропущенные сознательно че-

тельно через систему ценностей автора, через его субъективное «я»	рез систему ценностей автора, через его субъективное «я»
Выявляет ценность событий прошлого для прогнозирования будущего	Производит оценку и передачу опыта жизни для совершенствования человека и общества
Способствует социальной и политической самоидентификации и корректировке жизненных планов	Способствует культурной самоидентификации, обнаружению смысла жизни и духовному самосовершенствованию

Итак, самоидентификация есть уяснение своего смысла и предназначения, своих способностей и достижений, своей ответственности и места в мире, отношений к себе, к социальному окружению, природному миру и миру высших ценностей. Для европейского менталитета большое значение имеет рационально-логический стиль мышления. Поэтому история, опираясь на материальные памятники и логические доказательства, для европейского сознания выглядит более убедительной основой идентичности. Менталитет Востока (а Россия, по убеждению автора, должна признать доминанту восточности в своем менталитете) гораздо выше ценит образно-символическую форму выражения самосознания. Искусство, опираясь на потенциал эмоционального заражения и убеждения, достигает в этом случае большей эффективности.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Бердяев Н. А. О творческом историзме // Наше наследие. 1991. № 4 (22). С. 131-132.
3. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.
4. Ильин И. А. Философия как духовное делание. М.: ПСТГУ, 2014. 556 с.
5. Какабадзе З.М. Человек как философская проблема. Тбилиси: Мецниереба, 1970. 133 с.
6. Карсавин Л. П. О сомнении, науке и вере (три беседы). Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925. 34 с.
7. Каталог демонстрационной программы Всесоюзной школы-фестиваля «Свет и музыка» (20–30 сентября 1987). Казань, 1987.
8. Мельшиор-Бонне С. История зеркала. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 456 с.
9. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: Наука, 1976. 324 с.
10. Розанов В. В. Сочинения. М.: Советская Россия, 1990. 592 с.
11. Садко // Былины / под ред. Б. Н. Путилова. Л.: Советский писатель, 1986. С. 271-272.
12. Урванцева Н. Г. Поэтика зеркала в русской детской литературе XX века. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 240 с.
13. Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Русская идея, 2000. 443 с.
14. Федотова В. Г. Практическое и духовное освоение действительности. М.: Наука, 1991. 132 с.
15. Фулканелли. Философские обители и связь герметической символики с сакральным искусством и эзотерикой Великого Делания. М.: Энигма, 2004. 364 с.

Literature

1. Bachtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskustvo, 1979. 424 p.
2. Berdyaev N. A. O tvorcheskom istorizme // Nashe Nasledie. 1991. № 4 (22). P. 131-132.
3. Gurevich A. Ya. Srednevekovi mir: cultura bezmolvtvyuschego bolshinstva. M.: Iskustvo, 1990. 396 p.
4. Ilyin I. A. Filosiya kak duhvnoe delanie. M.: PSTGU, 2014. 556 p.
5. Kakabadze Z. M. Chelovek kak filosofskaya problema. Tbilisi: Metsniereba, 1970. 133 p.
6. Karsavin L. P. O somnenii, nauke i vere (tri besedy)/ Berlin: Evraziyskoe knigoizdatelstvo, 1925. 34 p.
7. Katalog demonstratsionnoy programmy Vsesoyuznoi shkoly-festivalya "Svet i muzyka" (20–30 sentyabrya 1987). Kazan', 1987.
8. Melshior-Bonne S. Istoriya zerkala. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2006. 456 p.
9. Porshnev B. F. O nachale chelovecheskoy istorii (Problemy paleopsihologii). M.: Nauka, 1976. 324 p.
10. Rozanov V. V. Sochineniya. M.: Sovetskaya Rossiya, 1990. 592 p.
11. Sadko // Byliny / pod red. B. N. Putilova. L.: Sovetskiy pisatel, 1986. P. 271-272.
12. Urvantseva N. G. Poetika zerkala v russkoy detskoy literature XX veka. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 240 p.
13. Shubart V. Evropa i dusha Vostoka. M.: Russkaya ideya, 2000. 443 p.
14. Fedotova V. G. Prakticheskoe i duhovnoe osvoenie deystvitelnosti. M.: Nauka, 1991. 132 p.
15. Fulkanelli. Filosofskie obiteli i svyaz' germeticheskoy simvoliki s sakralnym iskusstvom i ezoterikoy Velikogo Delaniya. M.: Enigma, 2004. 364 p.